

Анатолий ТЕРЕЩЕНКО

ФАВОРИТ И УЗНИК

Анатолий Терещенко

Фаворит и узник

ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ"

2020

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Терещенко А. С.

Фаворит и узник / А. С. Терещенко — ИД "АРГУМЕНТЫ
НЕДЕЛИ", 2020

ISBN 978-5-6042365-4-3

Книга посвящена одному из руководителей органов госбезопасности СССР генерал-лейтенанту Е.П. Питовранову, призванному на чекистскую службу с выпускного курса МИИТа (Московского института инженеров транспорта) в период окончания ежовских репрессий. В 28 лет, получив звание генерала и руководя областным управлением НКВД, впоследствии он возглавил контрразведку СССР. Участвовал в сложных операциях по борьбе с немецкой агентурой во время Великой Отечественной войны и националистическим подпольем после нее, нередко рискуя жизнью. В книге раскрываются некоторые подробности деятельности резидентуры «Фирмы». Автор дает ответы на многочисленные вопросы: почему он стал любимцем Сталина и в связи с чем оказался в 1951 году в камере смертников? почему его оправдали и назначили после освобождения руководителем внешней разведки Советского Союза? почему уволили в 50-летнем возрасте из КГБ? что скрывалось за многолетней дружбой с председателем КГБ СССР Юрием Андроповым? Почему он стал кумиром в чекистских коллективах и завоевал своим авторитетом умы и сердца разных поколений оперативников? Автор выражает глубокую признательность за помощь в подготовке книги коллеге полковнику в отставке А.А. Вдовину. Книга предназначена для широкого круга читателей.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-6042365-4-3

© Терещенко А. С., 2020

© ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2020

Содержание

Предисловие	6
Детство и юность	8
Проба на человечность	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Анатолий Терещенко

Фаворит и узник

Памяти генерал-лейтенанта Евгения Петровича Питовранова посвящается.

Предисловие

Осуждают то, чего не понимают.

Квинтилиан

Книга посвящена человеку, мечтавшему стать инженером железнодорожного транспорта, а ставшему в 28 лет генералом, а в 31 – заместителем Министра госбезопасности СССР. Генерал-лейтенант Евгений Петрович Питовранов, обладая гибким умом, принципиальностью, смелостью и решительностью, был замечен Сталиным в конкретных, порой сложных оперативных ситуациях, и, таким образом, в какой-то степени стал его фаворитом. Правда, это не убергло Е.П. Питовранова от гнева вождя. Сталин поверил наветам завистников молодого руководителя контрразведки; его арестовали и посадили в камеру смертников во внутренней тюрьме на Лубянке.

Высокие звание и должность он заслужил, решая вопросы государственной безопасности без ломки человеческого достоинства, а скорее, в борьбе за его утверждение. Это был Человек, к уму, выдержке и порядочности которого довелось прикоснуться и автору этой книги во время учебы в Высшей школе КГБ при СМ СССР, в период, когда он был ее руководителем и откуда был уволен на якобы заслуженный отдых.

Но духовная и профессиональная энергия истинного патриота Советской России пульсировала в нем так сильно, что он создал, находясь в запасе, практически новое направление и подразделение для работы внешней разведки, высокооцененное руководством страны. Называлось оно по-разному: «Фирма», отдел «П» ПГУ КГБ, «разведка» Ю.В. Андропова.

Кто-то из великих сказал, что почитать человека следует не по знатности его происхождения, а по происхождении его знатности. Знатность свою он завоевал своим умом и трудом. Генерал-лейтенант Евгений Петрович Питовранов – один из наиболее деятельных и честных руководителей в когорте начальников советских спецслужб. К сожалению, длительное время, со времен правления Хрущева и до сих пор, его имя находится в тени сплетен, наговоров и несправедливых оценок. Но в жизни принято считать: если тебе плюют в спину – значит, ты впереди. И это подтверждается оперативной деятельностью Е.П. Питовранова. К счастью, его отдельные взгляды на проблемы безопасности государства понимал и принимал Сталин. Это потом, после увольнения, некоторые начальники начали чувствовать силу Е.П. Питовранова, руководителя Высшей школы КГБ при СМ СССР.

Автор застал Евгения Петровича на излете его служебной карьеры во временном отрезке с 1963 по 1965 год. Именно за два года до выпускных экзаменов автора этой книги генерала, профессионала, человека с высоким уровнем человечности из-за подковерной борьбы политиканов Кремля сняли с должности руководителя чекистского вуза.

Судьба, опыт, решительность и смелость позволили ему в разные годы руководить советской разведкой и контрразведкой как внутри страны, так и в подразделениях КГБ в длительных зарубежных командировках.

Бескорыстной деятельностью молодого сотрудника госбезопасности на благо Родины, его гибким умом, переросшем в мудрость, поражался И.В. Сталин, понимавший, что мудрость

приходит с годами... но не ко всем. Человек, обладавший таким качеством, – это уравновешенный человек; он смотрит на жизнь с пониманием ее смысла, принимая жизненные обстоятельства такими, какими они есть. Но для этого надо дорасти.

И.В. Сталин, как и великий китайский мудрец Конфуций, понимал, что у человека есть три пути познания мудрости: первый – самый благородный, размышление; второй – самый легкий, подражание; третий – самый горький, опыт. Значит, мудрость – это результат титанической работы над собой с использованием знаний. Ничто не возникает из ничего. Не каждый знания способен переплавить в мудрость, необходимую для работы, службы и жизни вообще. Не хватает сосредоточенности, внимательности, а главное – духовности.

В правоту государственного дела, в свою профессию Евгений Петрович влюбился и пошел вместе с ней своим путем честно и бесстрашно. Но тому, кто выбирает такой путь, жизнь пойдет навстречу. Ибо кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, тот лишится и того, что есть.

Многие завистники говорили, что он являлся фаворитом вождя. Но таких любимцев у Иосифа Виссарионовича было много, особенно среди молодых дарований в военном деле, органах госбезопасности, в промышленности, авиации, сельском хозяйстве и строительстве. Он молодежь уважал и ценил. Но это не давало индульгенции как согрешившим, так и невиновным в случаях, когда ему докладывали непроверенные материалы с явными ляпами в работе. Попадали в жернова несправедливости и люди – фавориты хозяина Кремля. Не спасла Е.П. Питовранова в 1951 году прежняя доброжелательность к нему И.В. Сталина после ареста его начальника – министра государственной безопасности генерал-полковника Виктора Семеновича Абакумова, и всех его заместителей: Е.П. Питовранова оговорили следователь Рюмин и политик Маленков...

И все же он дал младшему поколению урок, достойный подражания. Именно с его легкой руки у автора зародилась уверенность, что оперативник должен быть «пусть маленькой, но ходячей энциклопедией». Он прививал нам такой, подтвержденный в дальнейшем момент истины: любые знания, навыки и умения крайне важны и непременно пригодятся в чекистской работе.

Присутствие его на занятиях по специальной подготовке несколько не смущало слушателей. Он как умудренный опытом педагог как бы растворялся в их среде, прививая обучающимся потребность смело рассуждать с учетом полученных знаний, а поэтому четко отвечать на задаваемые вопросы, без волнения и переживания. Уроки для многих пригодились в дальнейшем на практике. Мало кто игнорировал его рекомендации.

Автору захотелось рассказать о своем кумире широкому кругу читателей...

Детство и юность

*Мальчик кричит: «Нельзя! Двое на одного!»
Он ведь не знает, что только так и будет.*

Рамон Гомес де ла Серна

Так уж повелось в природе, что громче всего человек кричит о себе, когда он в пленках; потом с месяцами и годами он понемногу сбавляет уровень своей тональности. А еще он, именно в детстве, поражается всем и всему. Поэтому не случайно чудеса происходят только в этом «молочном» возрасте. В дальнейшем человека сопровождают каждодневные учеба и труд, с взлетами и падениями, успехами и неудачами. С годами, взрослея, человек понимает, что жизнь не столько красива и обустроена, сколько сурова и несправедлива. В этом он убеждается на каждом шагу, а потом принимает условия окружающего мира или не соглашается с ними и даже пытается бороться с проявлениями несправедливости. Начало мироощущения справедливости начинается из страны под названием «Босоное детство!...».

По материнской линии дедом Е.П. Питовранова был татарин Атисов, который после перехода в православие именовался Павлом Ивановичем. Дед женился на дочери русского купца и немки из числа переселенцев, появившихся в Поволжье в XVIII веке.

Прежде чем говорить о детстве нашего героя, несколько слов хочется сказать о родителях Евгения Петровича Питовранова. Мать – Антонина Павловна Атисова, после окончания с похвальным листом полного гимназического курса решила посвятить себя благородной учительской профессии. Губернский департамент образования направил ее учительствовать в школу села Князевка, которое располагалось на границе между пензенской и саратовской землями, с тихой, немногочисленной речушкой Медведкой.

Она полюбила педагогику и с головой ушла в работу. Отличалась честностью, добротой и контактностью как с коллегами-учителями, так и с учениками. Мирно жила и с соседями. Незадолго до начала Первой мировой войны в село прибыл новый настоятель храма, стоящего на крутолобом пригорке. Молодой священник Петр Николаевич Питовранов – высокий, русоволосый, статный красавец, с добрым и улыбочивым лицом. Он всем своим видом походил на былинного героя – беломорского помора. Вскоре ему приглянулась скромная симпатичная учительница Антонина Павловна. Ухаживание было коротким, потому что пара быстро поняла, что они не смогут жить друг без друга. Сыграли свадьбу. Венчал их сам глава церковного округа, саратовский епископ Гермоген (в миру Георгий Ефремович Долганов, проявивший себя как убежденный и последовательный монархист).

20 марта 1915 года у них родился первый и единственный сын. Назвали его Женя. Давно замечено, от отца к детям переходит кровь, а характером их награждает мать. Евгений физически пошел в отца: высокий рост, статная фигура, удивительно теплый баритон, привлекательная, добрая улыбка и неторопливость. От матери он получил упорство в достижении поставленной цели, трезвый ум и терпимость.

Но счастье, как говорится, требовательно, как законная супруга, и ветрено, как любовница. Через полтора года совместной жизни, после простуды и крупозного воспаления легких, ушел из жизни Петр Николаевич Питовранов. Антонина Павловна осталась совсем молодой вдовой. Вот тогда мать Евгения и поняла, что счастливой жизни нет... Есть только счастливые дни, которые уложились в полтора года интересного совместного проживания.

Тяжело перенесла она утрату. Не легок был крест, который она понесла по жизни. Все, что раньше ее радовало в Князевке, теперь раздражало всегда спокойную женщину. Друзья

посоветовали ей сменить место жительства. В школе соседнего Сердобского района были свободные штатные должности учителей. Туда молодая вдова и переехала с малолетним сыном. Директор школы помог с местом жительства. Именно в этой школе было суждено ей встретиться и подружиться с мужественным, ярким, образованным молодым коллегой Гавриловым, который, как и новая учительница, искренне принял октябрьские события 1917 года в Петрограде.

Вскоре Гаврилов возглавил боевую народную дружину для подавления контрреволюционных элементов, поднявших голову против советской власти. Через некоторое время дружина переросла в отряд, влившийся в состав Красной армии, и Гаврилов стал его командиром. А тем временем дружба учительницы и боевого командира переросла в любовь с регистрацией брака. У Жени появился второй отец, так как он его усыновил юридически и по жизни в семье. Но обстоятельства сложились так, что в одном из боестолкновений с мятежниками в глубинке Пензенской губернии, где свирепствовал брюшной тиф, командир заразился и буквально сгорел за несколько дней в 1921 году. Вновь осиротел Евгений. Строгая, пунктуальная, обязательная, деятельная 25-летняя Антонина Павловна стойко перенесла очередной удар судьбы, которая ей показалась форс-мажорной, predetermined, фатальной. Поэтому она уже больше не рисковала связывать свою жизнь с новым главой семейства. А интересные предложения на жизненном пути у нее были. Она же теперь всю себя решила посвятить только любимому сыну Евгению, а в дальнейшем его большой семье с внуками и правнуками.

Как мудрая женщина, познавшая все «прелести» классовой борьбы после революции, она до поры до времени не признавалась сыну, что его родной отец был священником, который при новой власти принадлежал к эксплуататорскому классу. Материнский инстинкт сработал четко в обстановке доведения «классовой борьбы» до абсурда с широко распространенным атеизмом. С церковниками власть боролась самым жестоким образом. Создавалось представление, что она, эта самая новая власть, вознамерилась извести священников и веру под корень.

Учитывая кристальную честность чада в будущем – он бы мог признаться где-то и когда-то кадровикам, кто его настоящий отец, и, возможно, испортить таким образом себе биографию, прозорливость матери увела сына от роковой черты в то непростое время утверждения новой безбожной власти.

Евгений Петрович часто вспоминал интересные по-своему детские годы и своих сверстников. У каждого человека этот возрастной период вспоминается с теплотой. Несчастливого детства не бывает. Сад детства – это не детский сад. Детство в глубинке особенное, натуральнее, чем в мегаполисах.

Шестилетним мальчонкой он с ребятами-рыбаками бежал на речку Сердобу – левый приток Хопра, и там они таскали удочками и закидушками окуней, плотву и лещей. Ловили и в районах поймы, пересеченной многими старицами и редкими озерами, где после оттока воды скапливалось столько рыбы, что добывали ее не только удочками, но и неводками, вершами и даже корзинами.

С гордостью Женя приносил рыбу домой, обязательно на лозовом кукане. От матери он получал искреннюю благодарность, ведь это был его взнос в семейный паек. Он любил наблюдать за приготовлением матерью и ухи, и жарки рыбы на сковородке, понимая, что это его заслуга.

Страсть к рыбной ловле у Евгения Петровича сохранилась до последних дней его пребывания на этой брэнной земле. Со временем о рыбацких «подвигах» семьи Питоврановых ходили легенды. Одна из них была опубликована на страницах журнала «Охота и рыболовство».

Тем временем жизнь в уездном Сердобске без мужа, без подсобного хозяйства, без родственных связей, с мизерной учительской зарплатой обрекала семью на голодное существование, да и голодомор уже стучался в дверь каждой квартиры жителей Поволжья, в каждую избу

россиян. Антонина Павловна решилась вырваться из уездной удавки и переехать в большой город на Волге – Саратов. Продолжила учительствовать и здесь. Зарплаты не хватало, пришлось подрабатывать в других местах. Хлопоты с проблемой прожиточного минимума давали знать.

Но возникла и другая проблема – Женя отбивался от рук. Улица стала больше влиять на подростковое мировоззрение и поведение. Как метко скажет Сергей Есенин о себе примерно такого же возраста, что и Евгений Питовранов:

*Часто, часто с разбитым носом
Приходил я к себе домой.
И навстречу испуганной маме
Я цедил сквозь кровавый рот:
«Ничего! Я споткнулся о камень,
Это к завтраму все заживет...*

Женя приходил после драк и в синяках, и рваной одежде. Иногда без шапки или кепки. Мать из экономии стала покупать ему красочно вышитые дешевые татарские тюбетейки. Именно в таких условиях формировались бойцовские качества. Правда, учеба в школе с сентября по июнь заметно отвлекала от улицы. Там продолжали буяннить беспризорные или местные оторвиголовные мальчишки. Мать-учительница прививала сыну усидчивость и внимание в работе с учебниками и книгами из разряда художественной литературы. Учился Евгений легко и прилежно. Много читал классиков – писателей и поэтов. Хорошая память позволяла сохранить не только сюжеты произведений, но и основные мысли, заложенные в этих произведениях.

С переездом в Саратов увлечение рыбной ловлей не покидало Евгения. После весенних разливов Волги оставалось много пойменных озер – мелких, теплых, с обилием разных пород рыб, от пескарей и до колючих красноперых окуней, жерехов и прочих рыбешек. И здесь ловили рыбу кто чем мог: майками, рубахами, ковшами и даже руками.

С наступлением лета появлялось у матери беспокойство за сына. Ребята гурьбой убежали на песчаную косу загорать и купаться. А в августе, когда поспевали арбузы и из Камышина начинали тянуться груженные баржи, толкаемые пыхтящими от натуги маломощными буксирами, начиналась пора «ловли»... арбузов и дынь. Едва водный караван показывался из излома реки, молодые корсары по-пластунски, на животах сползали к реке. Они, величавшие себя крокодилчиками, направлялись к низко посаженным от груза баржам, борта которых нередко бахчевые производители сладких ягод для страховки обматывали колючей проволокой. Но эту защиту преодолевала напористая ребятня. Голыми руками, палками и даже проволочными крючками они смело шли на abordаж, пытаясь стащить в воду несколько арбузов и с ними добраться до берега. Благо ягода не тонула, а вот с дынями было сложнее, они тянули разбойников на дно. На облюбованном островке «добытчики» наслаждались сладкой красной мякотью. Вечером довольные возвращались домой, иногда с добычей...

Было еще одно опасное увлечение – путешествовать на проходящих мимо товарных поездах в тамбурах. Некоторые умудрялись забираться даже на паровозный тендер. После таких поездок приходилось долго отмываться от дымной копоти и угольной пыли. Конечно, это увлечение, похожее на современных «зацепистов», таило большую опасность для жизни. Автору этих строк тоже знакомо это увлечение – детство ведь прошло на большой узловоей железнодорожной станции Сарны, что на Полесье...

Детство у Евгения закончилось в 1930 году, когда он успешно закончил семь классов и встал перед дилеммой: продолжить дальше учиться в школе или приобрести специальность,

чтобы помочь выбивающейся из сил матери наряду с учительством, подрабатывающей на других черновых работах.

Евгений выбрал фабрично-заводское училище (ФЗУ) Саратовского отделения Рязано-Уральской железной дороги. Поступил и впервые с гордостью надел профессиональное обмундирование даже с форменной фуражкой, на темном околыше которой красовалась золотистая железнодорожная эмблема – разводной ключ и молоток. В училище, избрал профессию токаря. Там он познакомился с сокурсницей Елизаветой, ставшей впоследствии его женой. С ней он учился новому ремеслу со старанием, понимая практичность хорошей успеваемости: чем выше разряд, тем больше будет зарплата. В 1933 году он окончил училище, и его направили в вагоноремонтные мастерские при железнодорожной станции. Через месяц Евгений принес домой первую зарплату. Антонина Павловна была чрезмерно рада за сына – наконец-то он поступил на работу, оторвался от улицы. В семейный бюджет, по выражению матери, «потекли нужные рублики».

Но радость не бывает без печали. Однажды вытачивая деталь, Евгений не надел защитные очки, кусочек стружки отлетел и вонзился ему в глазное яблоко. Спасли от повреждения глаза врачи – осторожно подтянули металлическую стружку наружу при помощи магнита, а потом вынули пинцетом, отметив, что пострадавший, сориентировавшись правильно, не втер ее в глазную ткань.

О профессии токаря теперь можно было забыть. Но он устроился дежурным по станции – встречал и провожал поезда. Как-то в зале ожидания вокзал встретил Евгений Петрович человека, на лацкане пиджака которого красовался серебристый овал с крохотным паровозиком внутри – знак «Почетный железнодорожник СССР». Познакомились, долго говорили о жизни, паровозах, работе, учебе...

Оказалось, железнодорожник опасался воровства, которое в те времена часто случалось на вокзалах. Дежурный по станции предложил новому знакомому в своей рабочей комнате деревянный диван, обтянутый дерматином. Собеседнику понравился пылкостью и целеустремленностью молодой человек. Он уловил в нем самый главный посыл – желание учиться дальше, и пообещал помочь в поступлении в учебное заведение и в дальнейшем выполнил свое обещание. Так Евгений Питовранов со своим другом Анатолием Егоровым стали студентами Московского института инженеров транспорта (МИИТ).

Антонина Павловна была рада поступлению сына в институт, хотя и понимала, что отъезд Евгения обрекает ее на одиночество. С подругой Елизаветой, поступившей в Саратовский сельхозинститут на машиностроительный факультет, шла активная переписка на почтовом канале Саратов – Москва и Москва – Саратов. Вскоре молодые люди решили завести семью: чтобы переехать к Евгению в Москву, нужен был документ о регистрации брака и перевод в МИИТ. У любящих людей все получилось. Недаром говорить «Любовь и горы может свернуть». А вообще женщины любят не героев, а победителей. И Евгений оказался именно таким.

Семейная жизнь началась в малюсеньком закутке студенческого общежития. Получали скромную стипендию, на нее и жили: в любви – бесплатная только луна, а в целом это океан чувств, окруженный совсем не легкой жизни. Правда, родители Елизаветы и друга Анатолия Егорова через проводников снабжали студентов продуктами питания, одеждой, обувью. Так и обретались – делились земляки чем могли.

Существенным приработком, наверное, во все времена студенчества служили погрузочно-разгрузочные работы на различных пакгаузах, базах, складах...

Время бежало быстро, но, кроме зубрежек, душа требовала культурной подпитки – посещения музеев, театров, кино, выставок, дней поэзии и т. д., а для этого нужны были «рубрики в советской республике».

И вот на календаре в общежитии появилась цифра -1937 год. Студенты чутко реагировали на все перипетии в жизни страны. К этому времени в СССР окончательно утвердилась

однопартийная система. Большое количество партий были закрыты или уничтожены. Идеологи этих партий оказались в изоляции. Одни попадали под судебный прессинг, уничтожались; другие уходили в глубокое подполье или покидали страну. В Советском Союзе периодически проводились чистки: в партии, в армии, в органах госбезопасности, на производствах и даже в сельской местности. Средства массовой информации громко информировали население страны, беспощадно критиковало тех, кто шел не в ногу с партией.

И все же студенты не особо ощущали происходящие дикости властей. Хотя это был страшный год необоснованных и несправедливых массовых репрессий под названием «ежовщина». Назван этот процесс в исторической литературе был по имени главного их исполнителя Николая Ивановича Ежова (1895–1940), партийного и государственного деятеля, генерального комиссара госбезопасности и руководителя НКВД СССР. Надо признать, что аресты и казни 1937–1938 годов причинили стране громадный вред. Но он возник не на голом месте. Именно в этот период Сталин с похвалой отозвался о безжалостном истреблении бояр царем Иваном Грозным как о крайне необходимом условии для утверждения централизованного русского государства.

В довоенные годы началась идеализация образа «грозного царя». Царь Иван Грозный и император Петр Первый стали парадигмами сталинской историографии. В почете они и в современной России.

Репрессии Ежова против так называемой «ленинской гвардии» дали толчок к появлению новых сталинских кадров, которые выгодно отличились в становлении государства через мощнейшие экономические сдвиги путем индустриализации страны.

Аресты, процессы, расстрелы, о чем уже написано много под разными углами зрения. В ту пору создавалось впечатление, что Сталин с помощью Ежова стремился избавиться от своих прежних противников. Но позже открылись подлинные масштабы этих обширных политико-полицейской операций, которые были направлены против двух категорий коммунистов: периферийных партийных работников, включая секретарей обкомов, и большевиков первых поколений.

На самом деле, репрессии ослабили СССР до такой степени, что государство могло быть поставлено на край гибели. Борьба политиков за верхние эшелоны власти не утихала, но когда вскрылись признаки участия в заговоре военных – над страной нависла чудовищная опасность.

О военной оппозиции в лице двух маршалов Тухачевского и Блюхера написано много книг и статей.

Версия обвинения бывшего первого заместителя наркома обороны СССР М.Н. Тухачевского (1893–1937) на момент ареста командующего войсками Приволжского военного округа (ВО) и его группы в лице: командармов 1-го ранга И.Э. Якира (1896–1937), командующего войсками Киевского ВО, и И.П. Уборевича (1896–1937), командующего войсками Белорусского ВО; командарма 2-го ранга А.И. Корка (18871-го ранга 1937), начальника Военной академии им. М.В. Фрунзе; комкоров: Р.П. Эйсмана (1895–1937), председателя Центрального совета Осоавиахима, В.К. Путна (1893–1937), военного атташе при полпредстве СССР в Великобритании, Б.М. Фельдмана (1890–1937), начальника Управления по командному и начальствующему составу РККА, В.М. Примакова (1897–1937), заместителя командующего войсками Ленинградского ВО; армейского комиссара 1 ранга Я.Б. Гамарника (1894–1937), первого заместителя наркома обороны СССР, начальника Политуправления РККА, гласила так: организация военного заговора с целью захвата власти. В газетах и по радио шла информация, но студенты были далеки от этих событий – с головой были погружены в учебный процесс.

Закрытое заседание Специального судебного присутствия Верховного суда СССР по делу состоялось 11 июня 1937 года. Все подсудимые были признаны виновными и расстреляны немедленно после вынесения приговора. Я.Б. Гамарник застрелился накануне ареста. Вот как

оценивал Сталин заговорщиков перед судом над ними, выступая 2 июня 1937 года на расширенном заседании Военного Совета при НКО СССР:

«Товарищи! В том, что военно-политический заговор существовал против советской власти, теперь, я надеюсь, никто не сомневается. Факт – такая уйма показаний самих преступников и наблюдения со стороны товарищей, которые работают на местах, такая масса их, что, несомненно, здесь имеет место военно-политический заговор против советской власти, стимулировавшийся и финансирувавшийся германскими фашистами».

Если верить некоторым публикациям, то станет очевидным, что Тухачевский постоянно критиковал, причем открыто, а порой и беспардонно, с позиций «бонапартистских» амбиций своего начальника – наркома обороны К.Е.Ворошилова. Но это же армия, в которой наличествует принцип единоначалия главенствующий «Приказы не обсуждаются».

Юрий Жуков, историк, глубокий исследователь сталинского периода правления, отмечал искусственную раздутость дела, которая исходила от карьеристских намерений руководителя НКВД Николая Ежова и его окружения.

Дело Тухачевского стало началом ширококомасштабных репрессий в РККА.

Из маршалов СССР в судилище принимали участие В.К. Блюхер и С.М. Буденный. Через год Блюхер окажется сам на скамье подсудимых. Вообще биография Блюхера, его служба в царской и советской армиях полны разного характера нестыковок. Как писал исследователь жизни и деятельности «красного маршала» Роман Борисович Гуль (1896–1986) в книге «Блюхер», после 1916 года под именем «ярославского мужичка, действовал кадровый офицер разведки армии Австро-Венгрии». Писатель называл Блюхера «полководцем под псевдонимом» и «генералом Немо», который взял в качестве псевдонима фамилию прусского генерала. Эта версия была озвучена Гулем в книге «Красные маршалы» еще при жизни будущего полководца в 1933 году, забитого насмерть на допросах в НКВД в 1938-м. Это всего лишь только версия писателя.

Приведем интересную информацию, полученную автором в 1974 году от пожилой технической работницы дома 2 на Лубянке. По ее воспоминаниям: когда ее срочно вызвали для уборки, она, только что пришедшая в конце 30-х на работу в центральное здание НКВД, оказалась свидетельницей выноса на носилках из кабинета № 650 окровавленного человека. Этот кабинет в 70-е принадлежал подразделению, в котором служил автор. Так как на лифте нельзя было транспортировать «живой груз» из-за габаритов носилок, его двое военных понесли по лестничному пролету вниз, а она шла сзади и замывала пятна крови. Потом девушка узнала, что на носилках несли Блюхера...

После завершения боев на Хасане, 29–31 августа 1938 года, действия маршала разбирали эксперты Главного Военного Совета РККА. Итогом проверки его деятельности стал приказ Наркомата обороны СССР № 0040 от 4 сентября 1938 года, в котором говорилось:

«Боевая подготовка войск, штабов и командно-начальствующего состава фронта оказалась на недопустимо низком уровне, войсковые части были раздерганы и небоеспособны; снабжение войсковых частей не организовано. Обнаружено, что Дальневосточный театр к войне плохо подготовлен...».

Создавалось впечатление, что Блюхеру не хватало храбрости и он умышленно не хотел активизировать наступательные действия у озера Хасан, словно играя с японцами в поддавки. Сталин рассвирепел и в разговоре по прямому проводу 1 августа 1938 года вынужден был спросить военачальника в лоб:

«Скажите, товарищ Блюхер, честно: есть ли у Вас желание по-настоящему воевать с японцами? Если нет – скажите прямо, а если есть – считаю, что Вам следовало бы выехать на место немедленно».

Блюхер ничего не сказал, но на место боев ни разу не выезжал. Более того, он запретил авиации бомбить японские укрепления на сопках. Терпение Кремля лопнуло, и трусливого

полковника отозвали в Москву. Ему приказали прибыть в столицу и тут же отправили отдыхать с семьей на черноморскую дачу наркома обороны страны К.Е. Ворошилова. Там Блюхера и арестовали. Выбывали японцев с советской территории уже другие командиры.

Продолжение этой истории произошло в августе 1946 года. Задержанный военными контрразведчиками МГБ СССР (ГУКР НКО СССР СМЕРШ прекратил свое существование в мае 1946 года. – *Авт.*) свирепый атаман белого казачества Григорий Семенов показал, что он располагает некоторыми сведениями о Блюхере:

«Летом 1937 года ко мне в Дайрен приезжал из СССР с поручением от маршала Блюхера некий Соколов, назвавший себя лейтенантом Амурской Военной Флотилии. Он прямо заявил, что прибыл по поручению штаба маршала Блюхера и предупредил, что в СССР в ближайшее время произойдут крупные события. Ожидается “дворцовый переворот”, в результате которого власть перейдет военным с Блюхером во главе. Подчеркнул, что участникам заговора опасно медлить, “иначе с маршалов полетят головы”. Соколову было поручено через меня выяснить, как японцы отнесутся к перевороту и не воспользуются ли они происходящим для того, чтобы захватить советский Дальний Восток...»

Выбор на Соколова пал потому, что его отец, лично был со мною знаком... В штабе Квантунской армии начальник 2-го разведывательного отдела полковник Ямоока сделал мне выговор за несогласованную встречу с Соколовым (тот тайно прожил у меня в доме два дня) и отметил, что о настроениях в штабе Блюхера им известно».

Думается, арестованному атаману Семенову, не было абсолютно никакого резона в 1946 году оговаривать покойного маршала. Обвинять Блюхера в шпионаже в пользу Японии – это, вероятно, перебор. Но вот то, что чины штаба Блюхера с его ведома устанавливали тайные контакты с представителями военной разведки японской армии, второго отдела генштаба, – это факт, доказанный на суде.

Арестант Блюхер был уже не молод – 47 лет, а тут такой стресс. Так что конец героя Гражданской войны был, к несчастью, банальным. И, пожалуй, вполне закономерным.

Чистка военных кадров продолжалась и после Ежова, но в значительно меньших масштабах. Сталин не зря опасался предательства...

И все же, констатируя всю тяжесть нанесенного стране ущерба, неоспоримым остается тот факт, что новым кадрам суждено было управлять страной во время войны и привести ее к победе.

Именно в конце 30-х годов в органы госбезопасности и военной разведки из гражданских институтов и военных академий пришли хорошо подготовленные люди, ставшие выдающимися руководителями в области разведки и контрразведки: Виктор Семенович Абакумов, Ян Карлович Берзин, Николай Иванович Железников, Павел Михайлович Фитин, Анатолий Николаевич Михеев, Петр Иванович Ивашутин, Иван Иосифович Проскуров и другие. Среди них достойное место занял и будущий генерал-лейтенант КГБ СССР Евгений Петрович Питовранов.

Для московского студенчества 1937 год ничем особенным не отличался: молодые ребята учились, гуляли, отдыхали так же, как и до этого. Конечно, о проходивших процессах читали в газетах и слышали по радио. Осуждали тех, кто боролся против партии и народа. Горячо осуждали вредителей, кулаков, тем самым показывали свое отношение к отщепенцам. Именно в это время Евгений Петрович стал кандидатом, а потом и членом ВКП(б).

В своем заявлении он шаблонно, как это делали и другие вступающие в партийные ряды, отметил: «... в трудное для всей страны время считаю своим долгом быть в первых рядах активных строителей коммунизма».

Позже он вспоминал:

«В партию я вступил совершенно искренне, без всяких внутренних установок на извлечение из этого каких-либо карьерных или материальных преимуществ. Как и большинство моих сверстников и друзей, я полностью, безоглядно доверял Партии и почитал для себя за честь стать ее солдатом».

После того как Питовранов вступил в партию, став исполняющим обязанности секретаря парторганизации института, начальник отдела кадров института Костромин все чаще стал приглашать студента выпускного курса для разговоров на разные, в том числе и политические темы. Но однажды, зайдя по приглашению кадровика в его кабинет, он увидел за соседним столиком незнакомца. Тот быстро листал, а порой внимательно читал чьи-то личные дела. Наблюдательный Евгений сразу обратил на это внимание и подумал: «Как же так требовательный Костромин позволяет постороннему человеку копаться в студенческих личных делах. Это, наверное, какая-то шишка, не иначе».

И вдруг кадровик обратился:

– Евгений Петрович, расскажите свою биографию с самого дня рождения.

«Зачем Костромин заставил при постороннем человеке рассказывать о моей ничем не примечательной жизни, – промелькнуло в голове Питовранов. – Я ведь свою биографию раз десять уже пересказывал на партсобрании, в партбюро и в райкоме партии. Что-то здесь не чисто. Пора лишней подозрительности с устранением Ягоды прошла, и вдруг... Кажись, нигде и никому я лишнего не взболтнул. Может о детском хулиганстве и атаках на баржи с арбузами решили что-то прояснить. Наверяд ли...»

И он стал рассказывать о месте рождения, о том, что мать – учительница, отец – бывший командир Красной армии, умер в Гражданскую войну. После семи классов закончил ФЗУ. Работал токарем и железнодорожным служащим, и вот сейчас в МИИТе...

Это была биография типичная для юношей той поры, вышедших обожженными пламенем гражданской бойни.

– Да, Гражданская война, вспыхнувшая по воле внутренних и внешних врагов, принесла много бед Советской России, – вдруг включился в беседу незнакомец. – Газеты читаете? Отслеживаете международную жизнь?

– Да-а-а... – коротко ответил Евгений.

– А как вы оцениваете Мюнхенский стговор Англии и Франции с Гитлером в отношении Чехословакии?

– Думаю, соглашение, подписанное 30 сентября этого года Чемберленом и Даладье с одной стороны и Муссолини с Гитлером – с другой, – это не только открытие семафора для движения нацистов в сторону передачи Судетов Берлину, но в конечном счете приговор первым двум трусливым политикам и, самое главное, их гражданам. Это развязывание рук фашистской Германии и ее сателлитам, а затем, может, и большая мировая война...

– Ваш ответ меня удовлетворил, – ответил незнакомец, который был представителем органов госбезопасности.

Он не случайно положил глаз на молодого человека высокого роста, комсомольского вожака. Собранная на Питовранова характеризующая его информация представляла интерес. По характеру – выдержанный, рассудительный. Речь спокойная, с аргументами «за» и «против». Взвешенность и обоснованность речи подкупали оперработника. Удивил его и такой факт: в то время большинство студентов не отличались эрудицией, а в советских институтах и техникумах практиковалась система коллективной защиты зачетов и экзаменов. В то время было модно, когда один или несколько студентов в присутствии всей группы отвечали преподавателю тот или иной предмет, а оценка ставилась всей группе в зависимости от той, которую получал смельчак. Практически студент отвечал не по билету, а весь предмет. Такой экзамен тянулся три-четыре часа. Следует отметить, что Питовранов чаще других выручал группу, особенно по точным наукам типа сопротивление материалов, детали машин и т. п.

Желание постоять за коллектив произвело на опытного чекиста хорошее впечатление. Выполнение отдельных поручений оперативника Питовранов исполнял в срок, не увиливал, не придумывал небылиц, а честно и добросовестно доводил дело до конца.

Но вернемся к беседе. Потом чекист стал говорить о разгаре классовой войны, о врагах народа, пытающихся навредить строительству социализма, о великих достижениях в коллективизации и индустриализации страны. Коснулся он опыта и мудрости, которые нарабатываются в процессе трудовой деятельности. А потом, помолчав немного, сказал, что мудрость измеряется способностью его приобретать и накапливать опыт.

5 ноября 1938 года встреча Евгения и нескольких его друзей-студентов была уже в общественной приемной НКВД на Сретенке, откуда он вышел человеком, поставленным на другие рельсы – ему предложили стать чекистом. Да кто?! – Сам Николай Иванович Ежов, Железный нарком, о котором слагали песни, и его набирающий силу заместитель Лаврентий Павлович Берия. Конечно, Евгений не мог знать, что звезда Ежова вот-вот закатиться. На предложение стать в ряды сотрудников госбезопасности Евгений ответил согласием. Убедили!..

В тот же день он был зачислен оперуполномоченным 3-го контрразведывательного отдела Главного управления госбезопасности (ГУГБ) НКВД СССР. Через пять дней, 10 ноября, новоиспеченному чекисту присвоили звание лейтенанта госбезопасности. Кстати, это звание в период с 1935 по 1943 год соответствовало капитану Красной армии. Первым учителем Е.П. Питовранова в контрразведке стал начальник оперативного отделения 3-го отдела ГУГБ НКВД Рубен Аракелян.

Проба на человечность

Превозмогать себя и возвращаться к должному в себе – вот что такое истинная человечность. Быть человечным или не быть – это зависит только от нас самих.

Конфуций

30-е созидательные годы!

Середина их ознаменовалась в Советском Союзе масштабными стройками и с великими результатами: индустриализация становилась реальным фактом. Материальные и человеческие затраты оставались очень высокими, а диспропорции – большими. Достижения же не всегда соответствовали первоначальным наметкам. Но, надо сказать, основным итог был неоспорим. По объему валовой промышленной продукции СССР в 1937 году стал второй державой в мире. Он еще отставал от США, но опережал любую отдельно взятую европейскую страну. Родившаяся в 30-е годы советская крупная промышленность начала активно работать: в строй действующих предприятий за этот период вступило 4500 крупных производственных объектов.

Самым узким местом в промышленном развитии в это время был транспорт. Не случайно его нормальная работа стала одним из первоочередных, ударных заданий пятилетнего плана. Существенного улучшения в этом направлении удалось добиться только к 1935 году. Железные дороги получили новое оборудование. Штаты во всех управлениях и отделениях дорог увеличились. Это романтическое время призывало стать летчиком, чекистом, машинистом паровоза... И многие откликнулись на призыв партии и правительства.

Еще до поступления в МИИТ Евгений видел, как по стальным магистралям страны Советов проносились новые стальные кони серий: СУ, ФД, СО, Тб, Эр, Лк и другие. Они завораживали мальчишек, наблюдавших, как огнедышащие многотонные громады грохотали стальными бандажами колес на рельсовых стыках, унося за собой пассажирские и товарные вагоны, пульманы, цистерны и платформы. Хотелось самому встать у реверса с регулятором и сдвинуть это многотонное стальное чудо вместе с пассажирским составом или товарным эшеленом.

Одногодок Евгения Петровича – Степан Петрович – отец автора этой книжки, тоже бредил паровой телегой. Он прошел уроки слесарного дела, побывал кочегаром и помощником машиниста, прежде чем стать в конце 30-х годов капитаном стального коня – машинистом паровоза. Всю войну он «проехал» – нет, скорее, «пропахал» почти в открытой ветрам, сквознякам, зною и морозам, а также пулям и осколкам паровозной будке от западных рубежей Отчизны до Сталинграда с вражескими обстрелами и под бомбежками.

В 1944 году с наступающими частями РККА снова вернулся в родное депо, чтобы в 40-50-е бить всесоюзные рекорды по вождению тяжеловесных поездов и получить знак «Почетный железнодорожник СССР».

Евгений Петрович Питовранов, наверное, тоже мечтал пополнить ряды железнодорожников-движенцев. Как уже говорилось выше, пройдя учебу в ФЗУ, он стал слесарем. А потом, после глазной травмы из-за попавшего осколка стальной стружки, вынужден был работать дежурным по станции. О машинисте мечтать не приходилось – медкомиссия не пропустила бы его по зрению.

Итак, Евгений Питовранов в 1938 году, на последнем курсе Московского института инженеров железнодорожного транспорта, переменял профиль своей будущей работы.

Берия, придя на смену Ежову, в 1921–1922 годах служил в ЧК Азербайджана на должностях заместителя начальника и начальника секретно-оперативного отдела. В декабре 1921 года к чекистам в республику приезжала ревизионная комиссия во главе Михаилом Сергеевичем

Кедровым (1878–1941), соратником Ф.Э. Дзержинского. Комиссия выявила много нарушений законности и волюнтаризма со стороны Л.П. Берия. Спас его от ареста Г.К. Орджоникидзе, обратившись к И.В. Сталину, а последний – к Железному Феликсу. Это послужило уроком для Берии...

Пройдет время, и он, встав во главе НКВД после Ежова, станет исправлять тяжелые ошибки последнего. Несколько тысяч членов партии, военнослужащих и сотрудников ЧК были выпущены из тюрем и лагерей. По его инициативе 17 ноября 1937 года упразднены так называемые карательные судебные органы «двойки» и «тройки».

Сам он тоже наломал много дров в своей работе. Кстати, в советскую эпоху он оказался удобным козлом отпущения, то есть в положении шекспировского «Короля Лир», познавшим неблагодарность самых близких людей. Это на его плечи вешали интриги и всю ответственность за террор, уводя из-под критики излишне доверчивого, но в целом положительного для индустриализации страны Сталина. Выводились за скобки менеджерские успехи Берии в руководстве экономикой Грузии, органами ГБ в военное время и атомным проектом после войны.

В то же время это был период, когда на Европу надвигалась немецкая угроза, а в СССР закончившаяся кампания истребления руководящих кадров дезорганизовала как промышленность, так и армию. Она прибавила дерзости всем зарубежным противникам Москвы. Не подлежало сомнению вместе с тем, что репрессии являли миру образ общества, настолько раздираемого противоречиями по вопросам внутренней и внешней политики, что для их разрешения необходимыми оказались темные заговоры и массовые казни. Это был дополнительный аргумент всем противникам Москвы утверждать, что на Советский Союз нельзя полагаться как на твердого союзника, и они же высказывали сомнения относительно боевых качеств Красной армии и ее способности к наступательной операции.

Ах, как это было похоже на время России 90-х годов! Но тогда США и страны блока НАТО полагали, что ельцинская экономическая политика и без военного вмешательства разрушит Россию. Била в цель лермонтовская строка о том, что это – «насмешка горькая обманутого сына над промотавшимся отцом». Многие в ту пору трезвомыслящие сыновья России понимали эту фразу именно так: «над промотавшимся отцом» в облике гаранта конституции уже не столько насмехались, сколько боялись за безопасность страны. Это было начало конца вчерашней сверхдержавы. Но вернемся к концу 30-х.

А тем временем масштабы арестов в СССР потрясли в 1938 году даже американского посла Джозефа Эдварда Дэвиса, сторонника антигитлеровского соглашения с Москвой. На XVIII съезде ВКП(б), как писал итальянский историк и журналист Джузеппе Боффа в работе «История Советского Союза», Сталин и Ворошилов сочли необходимым вступить в публичную полемику с авторами подобных оценок, справедливо расценив их как поощрение нападения на Советский Союз...

Выходит, студент выпускного курса МИИТа Евгений Питовранов справедливо сделал прогноз дальнейшего развития Мюнхенского сговора. Еще продолжал работу партийный съезд в Москве, когда Гитлер разорвал в клочья Мюнхенское соглашение, решив вовсе ликвидировать чехословацкое государство. В ночь с 14 на 15 марта 1939 года он провозгласил независимость Словакии под властью марионеточного правительства Йозефа Тиссо, а Богемию и Моравию включил в состав рейха в качестве протектората. Так начиналась подготовка к Большой войне 1939–1945 годов с мостом через завоевание нацистами Европы.

На сборы Евгению Питовранову дали трое суток – от беседы с женой с известием о новой профессии, уведомления кадров института о переходе на службу в органы государственной безопасности, получения справки об обучении в МИИТе и до прихода в бюро пропусков НКВД на Малой Лубянке. Так начиналась его почти 30-летняя действительная служба в органах госу-

дарственной безопасности СССР. Потом он добавит еще 20 лет служению разведке и контрразведке в несколько иной – гражданской оперативной ипостаси, в резерве органов КГБ.

Уже работая в системе контрразведки, он много узнал о деятельности ВЧК во главе с Ф.Э. Дзержинским, операциях «Трест» и «Синдикат», о работе Вячеслава Рудольфовича Менжинского (1874–1934), Генриха Григорьевича Ягоды (1891–1938) и Николая Ивановича Ежова (1895–1940), канувших в Лету. Отошедшие в историю деятели органов госбезопасности воспринимались совсем не такими, какими они жили в его представлениях до прихода в НКВД.

О Генрихе Ягоде – Иегуде Енохе Гершевиче – Евгений узнал позже, что после смерти Дзержинского и больного Менжинского он фактически руководил ОГПУ, НКВД и ГУГБ НКВД СССР, беспощадно подавлял крестьянские восстания, руководил почти «бесполезным», по понятиям либералов в смысле рабского труда, но поглотившим многие тысячи эковских жизней строительством Беломорско-Балтийского канала им. Сталина. На последнем шлюзе этого канала была воздвигнута 30-метровая пятиконечная звезда с огромным бронзовым бюстом Ягоды внутри.

Канал был построен на пути, который использовался русскими деловыми людьми в течение нескольких веков. Здесь проходил большак паломников, совершавших хождения к православным святыням на Соловках.

Царское правительство несколько раз планировало приступить к прокладке этого канала в 1835, 1857 и 1900 годах, но отказалось из-за слишком большой стоимости работ. В Советском Союзе к идее Беломорско-Балтийского канала вернулись в 1930 году. В течение 20 месяцев шла на удивление интенсивная стройка этой водной артерии. И уже в августе 1933 года состоялось торжественное открытие 227-километрового канала глубиной 5 метров с 19 шлюзами. Для сравнения: Суэцкий канал длиной 160 километров строился 10 лет, а Панамский канал протяженностью 80 километров – 28 лет. Число заключенных, работающих на строительстве Беломорканала, было от 130 до 280 тысяч. Их участие властями подавалось как перевоспитание преступников через труд.

Идея использования труда осужденных философски разработана Львом Давыдовичем Троцким (1879–1940) и вначале была отвергнута ВКП(б), но затем активно применялась с мизерными выплатами, которые выдавались при освобождении.

В 30-е годы Ягода еще теснее сблизился с вернувшимся в СССР из-за границы Максимом Горьким, став другом его семьи и любовником Надежды Пешковой – «Тимоши», жены сына Горького, Максима. Он участвовал в организации судов по сомнительным делам об убийстве Кирова, «Кремлевском заговоре», в устройении процесса против Зиновьева и Каменева. В сентябре 1936 года Ягода был снят с поста наркома внутренних дел, который занял «герой» Большого террора Николай Ежов.

15 марта 1938 года Ягода, обвиненный в связях с Троцким, Бухариным и Рыковым, был расстрелян.

Новый нарком внутренних дел Н.И. Ежов привел с собой на Лубянку из ЦК партии около 300 партийцев, которые в один день стали сотрудниками чекистских органов. Для борьбы с троцкистами, «окопавшимися за рубежами», он создал из них, подчиняющие лично ему специальные подвижные группы, которые направлялись с фальшивыми иностранными паспортами за границу для ликвидации троцкистов и выполнения других тайных поручений Кремля.

Со временем Евгений Петрович, руководя подразделениями внешней разведки СССР, поймет, что таким образом власть расправлялась со старой гвардией отечественных разведчиков, в том числе и нелегалов, которые боялись возвращаться в атмосферу ежовского беспредела. Многих возвратившихся ждала опала, а нередко и казнь.

С Ежовым Питовранов не работал, хотя при нем был взят на службу в органы госбезопасности и много негативного наслышался в период руководства НКВД Лаврентием Берией. Еще

учась в МИИТе, он познакомился со стихотворением народного поэта Казахстана Джамбула Джабаева «Песнь о батыре Ежове», в котором были такие строчки:

*В сверкании молний ты стал нам знаком,
Ежов, зоркоглазый и умный нарком,
Великого Ленина мудрое слово
Растило для битвы героя Ежова...*

Только спустя несколько лет Евгений Петрович понял, сколько этот пахарь партийно-карательной нивы загнал в землю своих соотечественников. Масштабы его репрессий были таковы, что даже напугали самого Сталина. Ежов сыграл большую роль в политическом и физическом уничтожении так называемой «ленинской гвардии», принципиально противостоящей в некоторых экономических и политических вопросах Сталину. В своем рабочем столе «зоркоглазый и умный нарком» Ежов хранил пули, которыми были расстреляны Зиновьев, Каменев, Крыленко и другие.

Однако первый толчок Большому террору дал совсем не Ежов, а секретарь Западно-Сибирского крайкома партии, «ленинский гвардеец» Роберт Эйхе. Выступая на пленуме ЦК ВКП(б) в июне 1937 года, он сообщил о существовании некой «подпольной повстанческой организации кулаков», действия которой направлены на свержение советской власти. Эйхе потребовал немедленного принятия чрезвычайных мер и особых полномочий для так называемых «троек», в состав которых входили первые секретари, прокуроры и начальники НКВД города, области или края. К его требованиям присоединились и другие «партийные боссы», заговорившие на партийном форуме о сотнях тысяч «врагов народа». И уже через месяц, 30 июля 1937 года, нарком внутренних дел СССР Николай Ежов подписал секретный приказ № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». С этого приказа, в котором указывались семь категорий граждан, подлежащих аресту и в большей части расстрелу, начался Большой террор со «скорострельным правосудием».

Дошло до того, что некоторых высоких руководителей в политике, армии и госбезопасности сначала расстреливали, а потом оформляли приговор трибунала.

Кроме того, репресслируемых делили на две категории. К первой относились «наиболее враждебные». Они подлежали немедленному аресту и по рассмотрении их дел на тройках – расстрелу. Ко второй категории относились все остальные, «менее активные, но все же враждебные элементы». Они подлежали аресту и заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет. «Шлюз» для репрессий был открыт. Начались соревнования. Тот же Эйхе заявил о желании только расстрелять 10 800 жителей Западно-Сибирского края.

В этом рвении ему почти не уступал секретарь Московского городского и областного комитета ВКП(б) Никита Хрущев. Он потребовал приговорить к расстрелу либо высылке 41 305 «бывших кулаков». Этот «борец со сталинским террором» на всех партийных пленумах и других элитных посиделках того времени громогласно вещал:

«Нужно уничтожить этих негодяев. Уничтожая одного, двух, десятой, мы делаем дело миллионов. Поэтому нужно, чтобы не дрогнула руна, нужно переступить через трупы врагов на благо народа».

Итак, он предлагал на благо народа какую-то часть его лишить жизни, а потом спокойно переступить через трупы внутренних оппозиционеров, конечно же, «врагов народа». А ведь в это время вместе с этим же народом он пел: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...». Но в той «сказке», которую предлагал розовошекий партocrat, «быль» появилась вместе с чудовищной обманкой – обвинениями многих истинных патриотов, сотрудников органов государственной безопасности, участников Великой Отечественной войны в нарушениях социали-

стической законности. Сотни отсидели в тюрьмах от 5 до 15 лет. Десятки были расстреляны: Лаврентий Берия, Виктор Абакумов, Всеволод Меркулов, Богдан Кабулов, Сергей Гоглидзе, Павел Мешик, Владимир Деканозов, Лев Влодзимирский и другие.

Потом Хрущев прикажет расстрелять и расстреляет рабочих Новочеркаска, вышедших на митинг из-за повышения цен и тарифов. Спустя несколько месяцев обманет рядовых членов партии и более молодое поколение обещанием наступления коммунизма через 20 лет – к 80-м годам. Но вместо него образовался брежневский «застой», а за ним горбачевская «перестройка», приведшая к полнейшей разбалансировке деталей государственной машины. Совершивший государственный переворот Ельцин вовсе взорвал ее, не подвергнув эту самую государственную машину капитальному ремонту.

Вот так и живем незнамо, что строим и куда идем до сих пор. Правда, развернулись в сторону дикого капитализма. Постепенно дичаем, активно делясь на богатых и бедных. Причем вторых появляется все больше и больше!

Однако вернемся к правлению Ежова, именно в тот период, когда заработал «конвейер» смерти... О нем много чего написано – и правды, и лжи. Истина была посередине – дикий террор существовал. По поводу того времени есть смысл привести пример обработки Зиновьева для признания своей вины перед партией.

«Политбюро в последний раз требует от вас разоружиться до такой степени, чтобы для вас была исключена малейшая возможность когда-нибудь снова подняться против партии», – уговаривал Ежов «ленинского гвардейца».

В конце концов Железный нарком сказал Григорию Евсеевичу Зиновьеву (Радомысльскому) (1883–1936), в чем суть этого требования, исходящего от Политбюро: он должен подтвердить на открытом судебном процессе показания других бывших оппозиционеров, а главное – то, что по уговору с Троцким он готовил убийство Сталина и других членов Политбюро.

Зиновьев с негодованием отверг такое требование:

– Я вижу, настало время, когда Сталину потребовалась моя голова? Ладно, берите ее! Я вижу, что вы все предусмотрели и не нуждаетесь в том, чтобы я клеветал на самого себя. Вот поэтому вы меня и уговариваете. Это нужно для вашего большого суда, чтобы Зиновьев заклеил себя как преступник? Как раз этого-то я никогда не сделаю!..

Но многие не выдерживали пыток или верили обещаниям сохранения жизни и сдавались, клеветая на других и даже на самих себя. Участь таких решалась быстро.

Ежов провел репрессивные чистки в среде партийцев ленинского периода, потом принялся за руководство армии, а третьим этапом на его кровавом пути была чистка чекистов. Сам Сталин испугался масштабов преступной бесцеремонности подчиненного. Однажды он в сердцах, отдыхая со Ждановым на даче, по поводу наркома внутренних дел заметил:

– Если голова пуста, то голове ума не придадут места!

Наверное, вождь понял, что вину за масштабность репрессий в конечном счете повесят на него. И он их остановил. Однако инерция кулака с зуботычинами и пистолетного выстрела в затылок еще несколько недель гуляла по стране.

10 апреля 1939 года Ежов был арестован при участии Берии и Маленкова в кабинете последнего, куда его пригласили с докладом о проводимых чистках в органах госбезопасности. Ежову вменили в вину, что он со своими сообщниками готовил путч на 7 ноября 1938 года. Его обвинили, что во время демонстрации на Красной площади в Москве он запланировал теракт против Сталина и других руководителей партии и правительства. На суде теперь уже бывший нарком косноязычно и убого заявлял:

«Я почистил четырнадцать тысяч чекистов, но огромная моя вина заключается в том, что я мало их почистил. У меня было такое положение, я давал задания тому или иному начальнику отдела произвести допросы арестованного и в то же время сам думал: ты сегодня

допрашивал его, а завтра я арестую тебя. Кругом меня были враги народа... враги везде... В отношении Слуцкого (начальник иностранного отдела НКВД – разведка. – Авт.) я имел от директивных органов указание: Слуцкого не арестовывать, а устранить другим путем... Так как иначе бы наша вся зарубежная разведка разбежалась. И Слуцкий был отравлен».

А чистки проходили примерно так. Вот один из примеров. Когда в предрассветный час опергруппа явилась на квартиру чекиста Леонида Исааковича Чертока, кстати, прославившегося свирепыми допросами Каменева, он крикнул: «Меня вы взять не сумеете!» – выскочил на балкон и прыгнул с 12-го этажа, разбившись насмерть. Феликс Гурский, сотрудник Иностранного управления (разведка. – Авт.), за несколько недель перед этим награжденный орденом Красной Звезды «За самоотверженную работу», выбросился из окна своего кабинета на 9-м этаже Лубянки.

Кстати, комплекс зданий НКВД был расположен в самом центре Москвы, и случаи, когда сотрудники наркомата выбрасывались с верхних этажей, происходили на виду у многочисленных прохожих. Слухи о самоубийствах энкаведистов начали гулять по Москве. Никто из населения не понимал, что происходит, потому что действия не поддавались логическому осмыслению и не сообщались в СМИ.

По делам арестованных сотрудников НКВД не велось никакого следствия даже для видимости. Их целыми группами обвиняли в троцкизме и шпионаже и расстреливали без суда. Но кровь – загадочный сок, она проливается на пролившего его.

Это было страшное время, и о нем надо знать и помнить, чтобы не повторилось вновь, хотя некоторые клеветы наркома пытались хитро оправдываться, что невозможно не растоптать яиц, если ты по ним ходишь. Получается, они были слепцами, а потому не могли обойти и наступали на них.

Военная коллегия Верховного суда СССР 3 февраля 1940 года приговорила «дирижера» Большого террора Николая Ежова к «исключительной мере наказания»-расстрелу. Приговор привели в исполнение на следующий день.

Теперь хозяин Кремля стал раскачивать кровавые качели в обратную сторону. Если раньше НКВД уничтожал партию – теперь новая, созданная им партия уничтожала ежовские кадры. Принимаются решения ЦК о контроле партии над НКВД, партийные комиссии начинают «пропальывать» органы, летят головы вчерашних палачей. Откат террора идет через кровь. Через страх. Стихийно и больно для невинных родственников...

Именно такую обстановку застал молодой чекист Евгений Петрович Питовранов, только что зачисленный в штат оперативников контрразведки.

После Николая Ежова, вплоть до лета 1953 года, Питовранову довелось служить при Лаврентии Берия, которого отличали великие организаторские начала и способности, здоровая деловитость, иногда «большая» исполнительность и частый авантюризм.

22 августа 1938 года Берия был назначен первым заместителем наркома внутренних дел СССР Н.И. Ежова, а после его ареста Лаврентий Павлович с 22 ноября того же года стал руководить НКВД СССР. Надо признать, что с приходом Берии репрессии в стране резко начали сокращаться: Большой террор в тех масштабах, каким он был, завершился. Иногда историки этот период называют Сталинской «оттепелью» из-за массового освобождения из тюрем осужденных в период Ягоды и Ежова.

Вместе с тем под руководством нового наркома в 1939–1940 годах создается мощная, активно действующая агентурная сеть советской внешней разведки в Европе, Японии и США. В период его правления были уничтожены в мае 1938 года лидер Организации украинских националистов (ОУН. – Деятельность организации запрещена на территории РФ. – Авт.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.